

Иероним Ясинский

Расплата

Иероним Ясинский

Расплата

«Public Domain»

1880

Ясинский И. И.

Расплата / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1880

«...Грохот мостовой оглушил Кривцову. Она была как в чадy. По широким панелям сновали группы женщин и мужчин. Далёкие фасады многоэтажных домов расплывались в сумраке, багровый блеск на окнах потухал. Лазурь высокого небосвода меркла. Веяло сыростью. Хозяйка меблированных комнат, куда попала Кривцова, с любопытством осмотрела новую жилищу и внимательным взглядом окинула её чемоданчик и саквояж с бронзовой отделкой. Кривцовой было лет двадцать с небольшим. У неё были узкие плечи, худощавое лицо, с тёмными бровями и густыми ресницами, светло-золотистые волосы. Рост высокий, но сложение „воздушное“, заставляющее иногда принимать женщин за девочек, руки тонкие; и она держала локти близко к телу, слегка наклонив голову, что придавало ей беспомощный вид. Однако, говорила она энергично, тем тоном, каким приказывают, громко и ясно...»

© Ясинский И. И., 1880

© Public Domain, 1880

Иероним Ясинский

Расплата

I

...Грохот мостовой оглушил Кривцову. Она была как в чадy. По широким панелям сновали группы женщин и мужчин. Далёкие фасады многоэтажных домов расплывались в сумраке, багровый блеск на окнах потухал. Лазурь высокого небосвода меркла. Веяло сыростью.

Хозяйка меблированных комнат, куда попала Кривцова, с любопытством осмотрела новую жилищу и внимательным взглядом окинула её чемоданчик и саквояж с бронзовой отделкой.

Кривцовой было лет двадцать с небольшим. У неё были узкие плечи, худощавое лицо, с тёмными бровями и густыми ресницами, светло-золотистые волосы. Рост высокий, но сложение «воздушное», заставляющее иногда принимать женщин за девочек, руки тонкие; и она держала локти близко к телу, слегка наклонив голову, что придавало ей беспомощный вид. Однако, говорила она энергично, тем тоном, каким приказывают, громко и ясно...

Хозяйка, учтиво спросила у Кривцовой документ. Та вынула его из саквояжа.

– Тепер ошен мноко строкости, – пояснила хозяйка с улыбкой.

– Мне всё равно...

– Ви нишево не будете сказать больше?

– Мне нужно узнать адрес вот этого господина...

Она вырвала из книжки листок и написала на нём: «Николай Петрович Ракович».

– Вот! Это к часу... Завтра...

– Ошен карашо, мадам... Адъё, мадам!

Кривцова заперлась на замок, положила под подушку саквояж, туго набитый сериями и сторублёвыми бумажками, и новенький револьвер, и заснула глубоким сном...

Во сне грохот мостовой казался ей гроыханием поезда.

II

Над кроватью, на стене, высокой и пустынной, играл бледный луч солнца, отражённый от противоположного дома.

Кривцова, проснувшись, не сейчас могла дать себе отчёт, где она. Она с недоумением смотрела на стену. Пёстрые грёзы как вспугнутая стая птиц мчались перед нею, быстро исчеза в блеске дня. Милое лицо её подруги, Вареньки Софронович, только что сидевшей с нею в пансионском дортуаре, где ряды кроватей тонули в мутной волне предутреннего света, и где кто-то бредил, меж тем как деревья точно призраки уныло глядели со двора, мгновенно растаяло как клочок тумана. Кривцова провела рукой по глазам, со страхом повернула голову. Огромное окно сияло ярко. Тогда мысль, что она в Петербурге, вдруг мелькнула в её сознании.

Она стала одеваться.

Был полдень.

III

А Ракович – тот самый, адрес которого хотела знать Кривцова, – нетерпеливо ходил, в это время, по своему кабинету. Он был один в квартире. Домашние его жили на даче. Он приехал в город, чтоб быть с докладом у начальника.

Кабинет имел вид скорее будуара, чем комнаты делового человека. Белые шторы, собранные в пышные складки, кокетливо выглядывали из-под зелёных подзоров. Письменный стол был заставлен множеством больших и маленьких фотографий, в бронзовых и бархатных рамках. В ореховом шкафу пылилась груда французских романов. Ковёр пестрел в большом трюмо. Картины изображали красавиц: у одной тело чересчур розовое, а у другой чересчур жёлтое. Стоял запах туалетной воды и пудры.

Сам Ракович тоже не походил на делового человека: изящный вицмундир, безукоризненное бельё, перчатки, лицо совсем мальчишеское. Чёрные волосы на голове были густые и вились. Бледные щёки, красные губы, белая шея, большие глаза, сиявшие и беспокойно загоравшиеся от непрерывного наплыва каких-то мыслей, которые, впрочем, так же скоро проходили, как и появлялись, нос, слегка вздёрнутый и чувственный, рост выше среднего, длинная талия, узкие плечи, узкие руки, – такова была наружность Раковича.

IV

Однажды он неожиданно исчез из N-ска, своего родного города. Там он служил секретарём мирового съезда, но служил спустя рукава. Преимущественно же занимался тем, что рисовал на всех карикатуры и писал стихи. Поэтическая репутация и миловидность сделали его любимцем прекрасного пола. За ним ухаживали. Он был франт и первый начинал носить модные костюмы. Ходил и в вишнёвом жакете, и в зеленоватом, и в синем, и, наконец, в клетчатом. Одно время у него были брюки чуть не телесного цвета. На углах его воротничков иногда появлялись собачьи, совиные и лошадиные головы. Галстуков у него имелось бесконечное множество и тоже самых невозможных цветов. Тем не менее, на нём всё хорошо сидело, к нему всё шло. Вообще, за что бы он ни взялся, чтобы ни стал делать – всё ему удавалось. Он шутя прочитывал серьёзные книги, – занятие, на которое в провинции смотрят с тоскливою почтительностью – и потом рассказывал их содержание в лёгкой форме. Конечно, много тут врал, но мало этим стеснялся, и его все слушали. Выучивал также целые поэмы и прекрасно декламировал. Кроме того, танцевал с неутомимостью прапорщика. Играл, и пел, и был душою любительских спектаклей. Одним словом, это был такой милый и блестящий провинциальный сердцеед, с которым конкуренция едва ли была возможна, и избежать чарующей власти которого для какой-нибудь захолустной барышни было одинаково трудно. Хотя он слыл честным человеком и никогда сознательно не сделал бы такого шага, который внёс бы в жизнь женщины позор и страдание, однако, к несчастью, предусмотрительность не была одной из его многочисленных добродетелей. С другой стороны, поклонение, которым его окружали, отравило его, и он стал лелеять мысль, что он высшее существо, артистическая натура, для которой правила обычной морали необязательны. Пошли любовные приключения. Был какой-то странный год. Все точно с ума сошли. Личность Раковича с каждым днём приобретала всё больший и больший интерес. Праздная жизнь разжигала любопытство. Дамы подобно мотылькам стремились на огонь. Ракович окончательно уверовал в свою неотразимость и считал победы дюжинами...

В это время он сошёлся с Кривцовой.

V

Ей тогда шёл восемнадцатый год.

Она только что вышла из пансиона и жила у старика-дяди. О несметных богатствах этого дяди ходили разные фантастические слухи, но можно с достоверностью сказать лишь, что он был скуп. Ракович нанял у него дом, и таким образом началось знакомство молодых людей. Никто не верил, что Катя Кривцова – взрослая девушка... Иллюзия поддерживалась ещё тем, что дядя заставлял её донашивать пансионские короткие платья. Провинциальная сплетня не заметила её, и целый год длился её роман с хорошеньким квартирантом. Катя была уверена, что Ракович женится на ней. Он готов был жениться, но у него имелась своя теория. Он знал, что приятная острота любви исчезает, раз влюблённые становятся мужем и женою. «Жить, чтобы наслаждаться! – шептал он Кате ночью в беседке, глядя на звёзды и сдвинув шляпу на затылок. – Наслаждаться – это мой девиз, Катя». Конечно, можно вести суровый образ жизни и работать для будущего счастья человечества, но это удел героев, а он – не герой. Ракович в этом отношении походил на множество заурядных людей, которыми богаты переходные эпохи. Грядущие судьбы человечества он представлял себе в необыкновенно туманном виде, хоть любил распространяться о них. Главное, его занимало, что семейство рухнет. Катя Кривцова, слушая Раковича, увлекалась «смелым полётом» его фантазии, горячностью его «убеждений», «грандиозностью» набрасываемых им перспектив. Она целовала у него руки, и если бы этот юноша потребовал от неё какой-нибудь мучительной жертвы – всё сделала бы для него. Но мало-помалу на дне её души стало шевелиться сомнение. Оно росло незаметно и, наконец, выросло. Период, когда хочется жертвовать собою любимому человеку, проходил. Начинался период, когда, в свою очередь, ждут каких-нибудь жертв. Катя заговорила о венце настойчивее. Ракович стал избегать встреч с нею, давал неопределённые обещания, когда она добивалась свидания с ним, и что-то скрывал от неё.

VI

Стояла осень, когда Ракович вдруг уехал из N-ска. С ним уехала подруга Кати, Варенька Софронович, дочь одного важного барина, отставного генерала. Сплетня мгновенно вышла из берегов и разлилась по всему городу. Все кричали о безнравственности Раковича. В одной петербургской газете появилась о нём корреспонденция. Это подлило масла в огонь. Заскрипели перья и полетели в гостеприимную редакцию пояснительные и разъяснительные заметки. Улыбка странного торжества долго не сходила с лиц расходившихся провинциалов. Но едва только лица эти приняли обычное скучающее выражение, как их снова заставила растянуться в горизонтальном направлении весть о том, что старик Софронович настиг беглецов в Петербурге, где они чуть не умирали с голоду, дал за дочерью приданое и выхлопотал зятю место. Финалом же всей этой кутерьмы было рождение у Кати ребёнка. Снова загоготало и заревело провинциальное болото, и даже те дамы, которые чувствовали ещё на щеках зной поцелуев Раковича, принялись швырять грязью в девушку...

С тех пор прошло два года.

VII

...«А не удрать ли? – задавал себе вопрос Ракович, с тоскою перелистывая в приёмной начальника дело, известное между его сослуживцами под именем „дела о выеденном яйце“. – Ишь какое оно! Тут сам чёрт ногу сломает. Удери, удери! Ведь это рабство, каторга! Часа сво-

бодного нет! Торчи как болван! И чего, спрашивается! Со службы не прогонят... Естественная причина... Например, мог заболеть... внезапно... Право... Право, какие тут занятия – летом... Скука... Провались они! Эх, была не была!»

– Послушайте, Дорофей Львович, – обратился он к дежурному чиновнику, – объясните его превосходительству, что я тово... затрудняюсь явиться к нему... Скажите, что я...

Дежурный чиновник, гигант, с широкой физиономией и подобострастными манерами, встал и с участливым испугом смотрел на Раковича, по-видимому несомненно страдавшего.

– Что с вами, Николай Петрович? – тихо спросил он.

Подбородок Раковича отвис, на лбу собрались морщины.

– Болен, чёрт меня побери!

Он взял цилиндр и сунул бумаги в портфель.

– Ох!.. Скажите его превосходительству, что я душевно желал выяснить пред ним «вопрос о выеденном яйце»... Но не в состоянии, – заключил Ракович, окончательно изнемогая и пропадая в передней.

Пообедав у «татар» и вернувшись к себе, чтоб переодеться, он неожиданно застал там Кривцову.

VIII

Он вскрикнул, поднял брови, раскрыл рот и застыл на секунду в неловкой позе, с расставленными руками. Оправившись, он засуетился и подвинул ей кресло.

– Садитесь! Катя! Боже мой!

– Благодарю вас, – отвечала Кривцова и посмотрела на него.

– Да, да... Понимаю!.. – сказал он. – Конечно, я виноват!.. Конечно!.. Что ж, казните меня?! Не только виноват... Даже более: преступен... – произнёс он убеждённым тоном.

Кривцова молчала.

– Ах!.. Жаль, Вареньки нет... Вам сказали, что она на даче? – спросил он.

– Да...

– Ужасно жаль, что её нет... А у вас в сущности какая цель? Вы для чего приехали?

– После узнаете...

– Как после?.. Почему же после?.. Ну, впрочем, всё равно... Однако же?..

Он улыбался, не зная что сказать ещё.

Девушка потупилась.

– Мне хотелось бы знать... Не солгите только!..

– Честное слово!..

– Варенька знала о вашей... любви?

Ракович утвердительно кивнул головою:

– Да... Я от неё ничего не скрывал. Она меня простила...

Кривцова захохотала. Ракович с испугом взглянул на гостью. Но она быстро успокоилась. Её глаза были по-прежнему темны, влажны, и только нижняя губа трепетала.

– Она добрая! – прошептала она.

– Она, действительно, добрая! – серьёзно сказал Ракович.

– Она тебя любит?..

– Очень...

– И вы ей отвечаете тем же?

– Да...

– У вас есть дети?

– Сын...

– Ты его тоже любишь?

– Тоже.

– Так Варенька на даче?.. Мне надо повидать Вареньку! – произнесла Кривцова, хмурясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.